

Гавриил Харитонович Попов

Гавриил Харитонович Попов (г.р. 1936) — советский и российский экономист и политик, декан экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова с 1977 по 1980 г. Родился в Москве, школу окончил в Новочеркасске Ростовской области. С 1954 г. Попов обучался на экономическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, который он окончил в 1959 г. с отличием по специальности «экономист, преподаватель политической экономии». После окончания университета Попов продолжил обучение в аспирантуре на кафедре бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности; в 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Применение информационных машин в экономике». На протяжении многих дальнейших лет — вплоть до 1988 г. — Попов работал на экономическом факультете МГУ. В 1970 г. защитил докторскую диссертацию «Методологические проблемы теории управления общественным производством» и стал самым молодым в стране доктором экономических наук. В 1971 г. Попов получил звание профессора. В 1971—1988 гг. был заведующим кафедрой управления экономического факультета МГУ; в 1977—1980 гг. — одновременно его деканом. В декабре 1982 г. Попов стал членом президиума и руководителем секции «Управление общественным производством» Научно-экономического общества, которое в 1987 г. было преобразовано во Всесоюзное экономическое общество. В 1988—1991 гг. был главным редактором журнала «Вопросы экономики». В 1970-е и 1980-е гг. Попов привлекался к разработке планов реформы советской экономики. В 1989 г. — народный депутат СССР, сопредседатель Межрегиональной депутатской группы (до 1991 г.). В 1990 г. избран председателем Совета народных депутатов Москвы, а в 1991-м — первым мэром Москвы (проработал в этой должности до июня 1992 г.). С 1992 по 2015 г. Попов являлся президентом Международного университета в Москве. Г. Х. Попов — автор более 300 научных публикаций, в том числе многих монографий.

В предыдущих статьях я затрагивал ряд проблем коренной перестройки управления — индивидуальную трудовую деятельность (№ 9) и жилищный вопрос (№ 10). Но, безусловно, центральная проблема перестройки — замена административно-командного механизма управления экономическим.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ¹

I. Тест на отношение к перестройке

В документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС «Основные положения коренной перестройки управления экономикой» и принятом седьмой сессией Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва «Законе о государственном предприятии (объединении)» есть слова, которые можно без преувеличения назвать историческими: «Контрольные цифры... не должны носить

¹ Текст статьи впервые был опубликован в журнале «Наука и жизнь» в 1987 г. (Попов Г. Х. Экономический механизм управления // Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 56—66). В настоящем издании статья воспроизводится полностью, рисунки оригинала сохранены.

директивный характер...» В этом положении — вся суть, весь смысл нынешней перестройки, это — ее символ, ее узел.

В каждую историческую эпоху есть свой ключевой вопрос. Он — как замковый камень в арке. Он — если говорить словами великого предтечи кибернетики и теории систем, автора всеобщей организационной науки А. А. Богданова — узловое звено всей цепи. В первой половине XIX века в России таким был вопрос об отношении к крепостному праву. В революциях 1905 года и 1917 года — вопрос о земле. А сегодня, в период перестройки, ключевой вопрос — о контрольных цифрах.

Что такое контрольные цифры? Порой те, кто хотел бы затуманить суть дела и исказить перестройку, называют контрольными цифрами директивные указания центра. Верно, что контрольные цифры — директивные указания. Но неверно обратное, что директивные указания центра — это и есть контрольные цифры. Контрольные цифры — один из видов централизованных указаний.

В чем их особенность? Во-первых, это директивное задание центра по объемам производства различных видов продукции. Во-вторых, это задание составлено так, чтобы запрограммировать весь объем производимой предприятием продукции. В-третьих, это задание, которое носит обязательный характер. Стимулы могут его дополнять, но по сути это — административно обязательное задание. Оно — основа административных методов управления; его упразднение — исходная база для перехода к экономическим методам. Если оно есть — нет самой основы для разговора об экономических методах.

Бернард Шоу любил цитировать самого себя. Иногда, видимо, это полезно. Поэтому хочу привести цитаты из моей книги «Эффективное управление», выпущенной издательством «Экономика» перед XXVII съездом КПСС, в 1985 году. Прежде всего об экономической и административной системах хозяйственного руководства: «Базисный вопрос двух систем управления — вопрос об основе централизованных плановых директив. В обеих системах они безусловно необходимы. Без превалирования централизма нет социалистического управления, не будет реализована суть общественной собственности. Но на этапе строительства социализма непосредственной основой обязательности централизованных заданий является сама директива, подкрепленная силой государственной власти. В системе управления экономикой развитого социализма превалирующей основой обязательности каждого из централизованных заданий становятся экономические факторы, а административное их обеспечение становится вспомогательным». И дальше в развитие этого тезиса: «Коренным вопросом перехода от нынешней системы управления к новой является вопрос о замене имеющего административную силу задания центра централизованным заказом, обязательность которого определена его экономической выгодностью для исполнителя. В этом заключены все проблемы новой системы: и полный хозрасчет основного звена, и полная заинтересованность работника, и экономический расчет центра».

Ученому-экономисту, если он занят теорией, а не прикладными вопросами, далеко не всегда приходится увидеть начало практической реализации положений, которые он сформулировал в ходе анализа. Когда я писал книгу «Эффективное управление», то был уверен в объективной неизбежности пере-

хода к системе экономического управления. Но, честно говоря, не думал, что этот переход начнется скоро. Даже уверенности в том, что удастся опубликовать книгу, у меня не было.

Но прогрессивные начала социализма оказались исключительно мощными и жизненными. И уже к апрелю 1985 года в руководстве партии, в ее Политбюро, сформировались силы, поставившие перестройку в повестку дня, выдвинувшие ее концепцию и практическую программу реализации. Стало очевидно, что логика перестройки рано или поздно подведет нас к центральной проблеме — проблеме контрольных цифр.

Если вы хотите определить отношение хозяйственного руководителя к перестройке, не надо задавать вопрос о его взгляде не полный хозрасчет или на оптовую торговлю. И то, и другое система хозяйствования, основанная на административных методах, способна «переварить». Иногда она даже сама прибегала к полному хозрасчету, чтобы снять с себя и переложить на трудовые коллективы экономическую ответственность за свои действия.

Так было, например, в сталинские времена с колхозами, работавшими на полном хозрасчете и самоокупаемости. Самофинансирование тоже было — но в основном на бумаге, так как нечем было финансировать развитие.

А вот вопрос о контрольных цифрах принципиальный. И если хозяйственник или партийный работник говорит, что без контрольных цифр нельзя обойтись, — то чем бы они ни аргументировали свою позицию и сколько бы они ни клялись в верности курсу партии — по существу, на деле они против перестройки. Вернее сказать, против коренной перестройки управления, против превращения экономических методов в главные.

2. Главная опора административного управления

В административной системе основой всего процесса управления было административно обязательное директивное задание центра по объемам производства: «делай то-то, столько-то, поставь туда-то, по такой-то цене». Контрольные цифры были основой в работе всех органов хозяйственного управления. Госплан и другие экономические ведомства их вырабатывали. Министерства доводили до предприятий. Затем все органы обеспечивали их выполнение.

Вся жизнь предприятий также была связана с этими заданиями. По ним оценивали их работу, за их выполнение и перевыполнение платили премии. И весь фонд зарплаты зависел от этих цифр. Зависели от них и выделяемые предприятию фонды материальных ресурсов, денежные фонды.

Но контрольные цифры были основой не только хозяйственной жизни. Весь механизм социалистического общества был «завязан» на этот узел механизма управления. Партийные органы и организации строили вокруг контрольных цифр свою работу. Сначала мобилизовывали трудящихся на принятие более высоких «встречных» обязательств. Затем организовывали работу по их перевыполнению. Контрольные цифры, задания по объемам производства были в центре внимания и профсоюзов, и комсомола, и всех органов местной власти... Это был стержень экономической и соответственно всей политической и социальной жизни нашего общества.

Почему же теперь пришлось отказаться от их обязательности? Теоретических соображений можно привести много, но я ограничусь несколькими примерами.

Мы производим обуви больше, чем США. Между тем хорошей обуви не хватает. Магазины завалены не пользующейся спросом обувью, на которую истрачена и кожа, и красители, и труд. А Министерство легкой промышленности часто критикуют за... невыполнение на несколько миллиардов рублей плановых директивных заданий по объемам производства. Но спрашивается, что было бы, если бы это министерство все же произвело бы недоданную продукцию? Конечно, контрольные цифры были бы выполнены. Конечно, объем производства «покрыл» бы фонд выплаченных денег. Но этот успех был бы чисто бумажной операцией: применительно к обуви он означал бы следующее. Положим, из столько-то миллиардов рублей уже произведенной обуви не куплено столько-то. Спрашивается: что изменит новая порция обуви? При отсутствии гарантий, что она соответствует спросу, что ее купят? Выполнение контрольной цифры означало бы дополнительный рост запасов обуви на полках в магазинах.

И другого итога при этом централизованном руководстве на основе контрольных цифр ожидать нельзя. Ибо в директивных заданиях спрос населения может быть представлен только обобщенно, укрупненно и, к сожалению, нередко извращенно в силу или незнания спроса, или попыток выдать представления администраторов за спрос населения. Ясно, что, если думать о выпуске обуви, которая должна понравиться потребителю и которую он будет покупать, надо иметь не контрольные цифры сверху, а нечто прямо противоположное — заказ потребителя или представляющей его интересы торговли. Между тем как упор на контрольные цифры (данные об их выполнении, показатели роста объемов) скрывает реальную картину, ведет к затовариванию, к дефициту... и в конечном счете к недовольству покупателей, предпочитающих импортную обувь и, чего греха таить, нередко импортируемые с ней идеалы — и потребления, и поведения.

Но, может быть, такое бессилие контрольных цифр относится только к легкой промышленности и возникает в силу непредсказуемых капризов моды и покупателей? Нет.

Вот второй пример. Мы производим стали больше всех в мире. Тем не менее металла в стране не хватает. Как бы ни оценивать этот факт, какие бы процессы за ним ни стояли, ясно одно: многолетняя борьба за выполнение и перевыполнение заданий по производству стали сделала нас первыми в мире, но не решила вопроса обеспечения заводов нужными видами металла. Упор на контрольные цифры и здесь завел нас в своего рода тупик.

Когда вообще нет, например, обуви и металла, вполне можно требовать роста объемов. Логичны и контрольные цифры объемов производства. Но по мере изменения ситуации значение этого рычага меняется.

У руководства, деятельность которого базируется на контрольных цифрах, есть своего рода логика поведения. Положим, дали совхозу задание по производству молока. Задание не выполнено. Что делать? Решаем дополнить задание по молоку заданием по числу коров, которые должен иметь совхоз. Так будет надежнее. Проходит год, коровы есть, но молока опять мало. Проводим совещания, проверки и выясняем, что было мало кормов. Значит, надо дать задание

и по молоку, и по поголовью, и по объему производства кормов. Затем — по площадям посевов под кормовые, чтобы усилить гарантии. Затем уточним — на столько-то гектаров нужно засеять самой выгодной культурой — рапсом или кукурузой. И кончается эта эскалация непрерывными звонками из РАПО, раз-носами, указаниями.

Логика контрольных цифр выводит текущее управление на оперативное, текущее руководство сверху — на мелочную опеку. В ход хозяйственной жизни постоянно вмешиваются инстанции, работники которых не отвечают своей личной зарплатой за итоги хозяйственной деятельности. И если вначале в основе заданий по молоку еще и лежали какие-то экономические расчеты, то в конце мы зачастую, кроме волонтаризма и бюрократизма, ничего не обнаружим.

3. Преходящий механизм

Почему же так долго были живучи контрольные цифры? Причин тут много, но главная состоит в следующем. Мы взяли власть в стране, экономика которой позволяла совершить социалистическую революцию, но эта экономика не могла быть готовой базой социалистического общества. Экономические пред-посылки для революции и экономическая база социализма — вещи разные. В их разрыве — главная экономическая особенность нашей революции. Поэтому социалистическому государству или надо было самоупраздниться, или начать строить свой экономический базис, опираясь на силу своей власти. Партия и народ выбрали второй путь.

Но в условиях, когда социалистическая экономика создавалась административными усилиями центра, было неизбежно преобладание всеохватывающих директивных заданий этого центра. С годами возникла своего рода мощнейшая инерция, определявшая интерес к контрольным цифрам. Нам запланировали, например, в этой пятилетке перестройку конвейера. В следующей надо в план включить реконструкцию заготовительных цехов. В этой пятилетке нам не дали того-то, но обещали выделить в следующей. Следовательно, надо думать о том, как вовремя попасть в контрольные цифры.

Для строительства новой экономики приходилось напрягать все силы, мобилизовывать все ресурсы. Отсюда работа на пределе. Отсюда неизбежны дефициты. И все, что произведено, разбирается потребителем. Поэтому даже грубые ошибки в директивных заданиях погашались этой тотальной «расхваткой». Наконец, неизбежно ограниченные фонды потребления создавали и в сфере потребления ту же ситуацию: «брали» все, что поступает на прилавок. И ограниченность метода контрольных цифр скрывалась, маскировалась.

С каждой пятилеткой рос и укреплялся живой носитель контрольных цифр — административный аппарат управления. Наряду с потомственными сталеварами или врачами у нас появились потомственные работники центральных или местных органов. Это и стало со временем главной опорой отжившей системы.

По мере того как социализм обретал свою экономическую базу, он все больше усиливал внимание к своей главной цели: заботе о всех членах общества, хозяевах всей экономики. И все более обострялся конфликт между сутью

социалистической экономики и исторически преходящим механизмом управления, созданным для строительства этой экономики. Этот конфликт сам по себе обострила до предела современная научно-техническая революция. И угроза, возникшая в связи с более быстрым освоением ее достижений капитализмом.

Леса вполне естественны во время строительства здания. Но чтобы увидеть здание, не говоря уже о том, чтобы нормально в нем жить, леса надо убирать.

4. Экономические рычаги перестройки

Чем же заменить контрольные цифры административно обязательных заданий по объемам производства, если ясно, что они уже не могут обеспечить эффективного управления?

Недавно я получил своеобразное анонимное послание. Так как это ксерокопия, его, видимо, послали многим. Поэтому полагаю, что имею право ответить публично. На многих страницах этого документа, составленного, судя по тексту, твердокаменными политэкономами, сохранившими свои идеалы в обильно поливаемых государственной зарплатой оранжереях вузов, НИИ или редакций, и кибернетиками-автоматиками, вскормленными на безответственной трате денег в почтовых ящиках, авторы сначала милостиво соглашались с отрицательной оценкой существующего механизма. Но затем они начинают «громить» закон стоимости и рынок. Восхваляя централизм трестов и транснациональных монополий, они забыли, что эти организации — итог усилий именно рынка, а не специалистов по системному проектированию. В конце концов в качестве выхода преподносится «великое» открытие: чтобы избежать всех бед, Госплан должен все руководство осуществлять с помощью показателей рабочего времени, другими словами, осуществить то, о чем писали классики.

Но при этом в духе экономического романтизма вовсе обойден вопрос о том, что классики считали такое прямое управление атрибутом полного коммунизма — когда труд станет первой жизненной потребностью, когда распределение будет идти по потребностям, когда исчезнет порабащающее человека разделение труда. При всех этих условиях тогда можно будет руководить исключительно с помощью показателей рабочего времени.

А если надо стимулировать по результатам труда? Если, следовательно, надо соизмерять затраты времени различных работников и затраты, воплощенные в изделиях?

Закон стоимости был величайшим открытием человеческой цивилизации, позволяющим определять затраты времени косвенно, пока невозможно прямое соизмерение затрат труда через всеобщий эквивалент — через время.

Если в современных условиях отказаться от стоимостного механизма, то от соизмерения все равно отказаться будет нельзя, ибо надо распределять по результатам труда. Следовательно, остается два варианта. Первый: определение затрат времени производит центр, устанавливая нормативы перевода времени инженера во время экономиста или рабочего. Тогда вместо объективного распределения по итогам труда возникает дележ созданного продукта по воле работников аппарата управления. Нетрудно понять, к чему это приведет — к перерождению социалистического строя в общество, в котором командуют бюрократы.

Все попытки сегодня обойтись без закона стоимости и напрямую соизмерять качественно разные виды труда ведут к появлению аппарата чиновников или к вождям, способным давать, а скорее, навязать сверх нормы такого соизмерения.

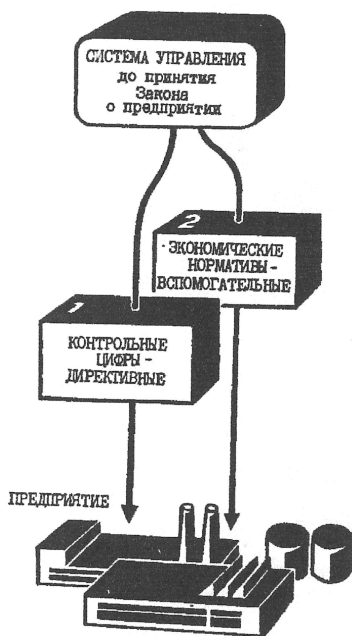

Схема механизма управления предприятием до принятия Закона о предприятии.

Второй вариант: отказаться от попытки определения затрат труда и распределения по труду. А стимулы искать в области моральных мотивов или административного принуждения — что реальнее и будет.

Поэтому остается единственно правильный путь — заменить административно обязательные контрольные цифры объемами производства экономическими рычагами. В документах июньского Пленума ЦК КПСС выдвинуты две группы рычагов: экономические нормативы и государственный заказ.

Экономические нормативы определяют общие правила хозяйственной жизни. Их составляет Госплан, затем корректируют министерства и территориальные органы. Нормативы выступают первым рычагом реализации долгосрочных планов экономического и социального развития и своего рода ограничителем этих планов, так как будут препятствовать появлению прожектерских устремлений.

А государственные заказы позволяют центру решать задачи, которые либо трудноразрешимы, либо могут быть эффективнее решены именно на уровне центра. При

этом госзаказ должен быть выгоден и привлекателен для исполнителя именно экономически, в силу своей рентабельности. Он гарантирован материальными и другими ресурсами. Его дополняют лимиты на снабжение.

Нужны ли этой системе контрольные цифры? Нужны, но, как точно выразился М. С. Горбачев, как ориентирующие показатели. Везде в мире пользуются спросом информационные прогнозы, напоминающие наши контрольные цифры. Было бы нелепо, если бы и наши предприятия не интересовались расчетами Госплана и характеризующими их контрольными цифрами. Но эти контрольные цифры будут чем-то вроде прогноза погоды. Хочешь — считайся с ним, хочешь — нет. Да сам вопрос о том, как реагировать, — в твоей компетенции.

5. Сложный диалектический путь

Ослабляется ли централизм от перехода к экономическим методам, отказу от обязательности контрольных цифр?

Общий правильный ответ известен; не только не ослабнет, но, напротив, укрепитя. В своей книге «Эффективное управление» я обращал внимание на это: «Перед нами характерный пример диалектики. Централизм сам себя ограничивает. Но не ради идеи ограничения как таковой, а ради подлинных интересов централизованного управления».

Сегодня этот общий ответ надо конкретизировать. Сказать — централизм сократится, усилится — это уже недостаточно. Нужны уточнения. Какой централизм сохранится? Какой усилится? Существующий? Кто конкретно сохранится из носителей централизма? Нынешние органы и кадры?

И, отвечая на эти вопросы, надо понять, что общее усиление централизма — это итог, результат. Но к нему ведет сложный диалектический путь. На этом пути ослабнет централизм административный и начнется подлинный кризис централизма бюрократического. На этом пути возникнет конфликт с теми реальными носителями существующего централизма, которые не смогут или не захотят измениться, коренным образом перестроиться.

Поэтому конечное усиление централизма будет итогом исключительно болезненной, гораздо более болезненной, чем на уровне предприятий и объединений, перестройки и нынешних органов управления, и нынешних кадров. Не следует упрощать задачу. Далеко не все люди, умеющие рассчитывать и «спускать» контрольные цифры, организовывать «раскрутку» встречных планов и их выполнение, окажутся способными находить экономические нормативы и госзаказы. Созная это и думая о себе, они не раз и не два будут пытаться вернуть нас к контрольным цифрам, к той системе, при которой сами смогут остаться «на коне».

Конец обязательности объемных контрольных цифр еще автоматически не означает конца административных методов. Не следует недооценивать их живучести. Не только в силу общественной инерции, но и потому, что есть лица, лично заинтересованные в этой живучести. И администрирование попытается сохраниться, «вживаясь» в кожу и поры и экономических нормативов, и госзаказов. Ему будет трудно, но оно попытается.

А нам всем надо будет учиться своевременно выявлять эти попытки. Управление — это всегда волевое действие. В этом смысле нет разницы между экономическими и административными методами. И те, и другие — методы управления, методы реализации наших волевых установок. Разница в другом. При адми-

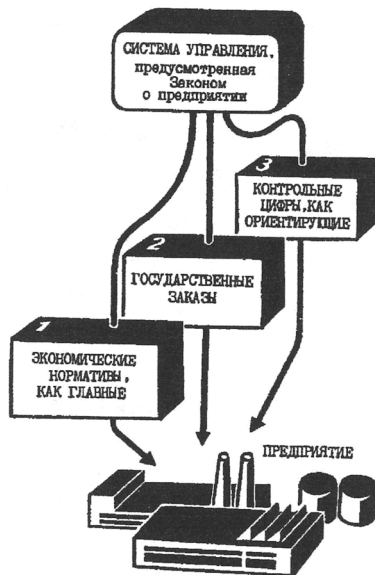

Схема механизма управления предприятием после принятия Закона о предприятии.

нистративных методах руководство связано в своих решениях только нехваткой ресурсов и страдает от пассивного поведения подчиненных. А при экономических методах руководство уже ограничено и тем, что надо считаться с законом стоимости, и тем, что надо учитывать интересы исполнителей и стимулировать их, и вообще всей системой объективных экономических законов. Поэтому экономические методы — методы более объективного руководства, методы, более активно преодолевающие и ограничивающие опасности волюнтаризма и бюрократизма, заложенные в любом управлении, пока оно осуществляется людьми. Вот почему надо реально оценивать то, какие проблемы мы решаем с помощью перехода к экономическим методам, а какие надо решать в других областях — например, на путях демократизации и гласности.

Такие проблемы (это далеко не все) встают уже при анализе самого текста принятых документов. А сколько проблем встанет при реализации этих решений? На порядок, на два больше. Я пишу обо всем этом не только для того, чтобы пугать, а с тем, чтобы показать, что основная борьба за экономические методы еще впереди. И чтобы трудности, которые будут возникать, не пугали нас, чтобы мы не рассчитывали на немедленный успех и при его отсутствии не впадали в панику. Борьба будет исключительно долгой и сложной, тяжелой. Но это уже особая тема.

Сделан исключительной важности первый шаг. Впервые официально провозглашено, что социалистическое плановое хозяйство может развиваться без обязательных контрольных цифр.

Опыт прошлого учит нас не впадать в «буйный либеральный восторг» по поводу первых шагов, а точнее — только провозглашенных намерений делать эти шаги. Надо быть трезвыми. До сих пор я ведь говорил о конечной схеме, об идее, заложенной в принятых решениях. На практике все обстоит сложнее.

Экономические нормативы сейчас пытаются рассчитывать в свете заданий плана. Пока они инструменты реализации плана, и игнорируется их вторая, но не менее важная функция — инструментов формирования плана, усиления его обоснованности, его реальности.

Госзаказ пока что становится обязательным как элемент административной обязательности, а не в силу экономической выгоды. Более того, реальна опасность заменить все нынешние директивные задания. Читал я уже о госзаказах... на сennую муку. Поэтому нужна первая линия борьбы за перестройку — усиление экономической природы госзаказа.

Цена носит обязательный характер, ее устанавливают сверху. А при такой цене и оптовая торговля, и рынок могут оказаться сферой влияния не закона стоимости, а тех идей, которыми руководствовались авторы цен. Упомянуты в документах и договорные цены, но их роль четко пока не узаконена. Поэтому вторая линия борьбы за перестройку — развитие такого ценообразования, при котором за ценой стояла бы стоимость, а не мнение о ней каких-то инстанций.

6. Проблема социалистического рынка

В докладе М. С. Горбачева на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС в качестве одного из звеньев механизма торможения социально-экономического раз-

вития названо предубеждение против товарно-денежных отношений и закона стоимости, а то и их прямое противопоставление социализму как чего-то чужеродного. На совещании в ЦК КПСС по вопросам коренной перестройки управления («Правда», 13 июня 1987 г.) тоже шла речь о социалистическом рынке.

Естественно, что проблема социалистического рынка привлекает внимание советских авторов. В «Московских новостях» опубликованы статьи Льва Воскресенского и академика Олега Богомолова. В журнале «Новый мир» — профессора Николая Шмелева и члена-корреспондента АН СССР Николая Петракова, в журнале «Знамя» — две статьи Анатолия Стреляного, в еженедельнике «Аргументы и факты» — члена-корреспондента АН СССР Станислава Шаталина и другие.

На мой взгляд, главная особенность современного этапа развития необходимость перенести вопрос о социалистическом рынке в практическую плоскость. Без рынка и его механизмов нельзя использовать товарно-денежные отношения и закон стоимости.

Какой рынок у нас есть в настоящее время? Прежде всего это плановый рынок как звено централизованного механизма управления. Тут продают и покупают запланированную зафондированную продукцию по установленным же сверху ценам. По существу, закон стоимости тут не используется, тут испытывают его удары, сталкиваясь с трудностями в научно-техническом прогрессе, с необеспеченной зарплатой и т.д.

Продолжение этого рынка — сфера государственной розничной торговли. Это не столько рынок, сколько система распределения. Здесь не столько продают, сколько «дают», не торгуют, а «выбрасывают». Но у потребителя есть право не покупать, и поэтому тут игнорирование закона стоимости особенно наглядно выступает в виде дефицита и затоваривания.

Есть, далее, рынок прямых связей предприятий — оптовая торговля, она детализирует общие плановые задания и использует централизованные цены. Главное — ублажить и уговорить поставщика, так как право отказа никого, кроме покупателя, не наказывает, а ценой обычно не интересуются.

В последние годы развивается рынок сверхплановой продукции и рынок новинок. Но он ничтожно мал, ибо сверхплановое через год может стать частью скорректированного плана, а изменение цены идет по отношению к установленной твердой величине. К тому же этот рынок случаен: то он есть, то его нет.

Есть еще один рынок — кооперации и индивидуальной трудовой деятельности. Сейчас он в основном продовольственный, но вскоре на нем будут и другие предметы. Здесь цена отражает не только стоимость, но и различные административные ограничения (на продажу тех или иных товаров, на величину цен и т.п.), все структурные диспропорции нашей экономики, все ошибки при установлении государственных цен.

И, наконец, есть еще рынок «второй (теневой) экономики», когда в продаже есть все и все оценено. Садовые участки и обувь, билеты на спектакли и лекарства, программы для компьютеров и белье, очередь в ЖСК и помощь репетиторов, путевки и чиновники. Но и на этом рынке, как ни странно, закон стоимости тоже не действует. Современные цены скорее «выразители» масшта-

бов нашей борьбы с законом стоимости, наших успехов по созданию все новых запретов, все более строгих взысканий. Чем тяжелее кара, тем выше цена.

Как ни странно, большинство перечисленных рынков помогает развитию хозяйства. Даже рынок «второй экономики» ослабляет недовольство населения (так как хоть здесь что-то можно достать) и сглаживает просчеты административного руководства экономикой. Но в целом все они не создают условий для нормального использования стоимостных рычагов.

Между тем объективная основа экономики социализма — это не только планомерность, но и товарно-денежные отношения. Если второй компонент игнорируется, то ослабляются и способность экономики быть планомерной, и сам центризм. В нем не «работает» в должной мере противозатратный механизм. Трудно реально оценить проект ГЭС или новую технологию, так как все цены установлены нами же.

В материалах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС намечен комплекс мер по совершенствованию рыночных отношений и, что очень важно, ценообразования. Будет развиваться оптовая торговля средствами производства, преодолены цены, не возмещающие даже затрат. В ценах найдут отражение и спрос, и эффективность товара у потребителя. Появятся разного рода гибкие цены: с верхним или нижним пределом и т.д.

И все же качественного, коренного перелома новое ценообразование еще не создаст, в основе определения цены остаются наши волевые решения. Вся пирамида экономических методов управления останется на фундаменте, определенном сверху, конечно, с учетом затрат, но далеко еще не на основе закона стоимости. Оптовая торговля даже тем, что не охвачено госзаказами, будет идти по централизованно установленным ценам. А опыт торговли овощами и фруктами на ярмарках, в котором этот механизм уже есть, пока оптимизма не внушает. Как я уже писал выше, объем госзаказов формально не ограничен, и есть опасность устранения из оптовой торговли многих видов продукции.

Есть и другой путь. В решениях июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС говорится не только о праве продавать по договорам с потребителем то, что не охвачено госзаказом, но и использовать при этом механизм договорной цены. К сожалению, эта идея (как и идея остаточного варианта хозрасчета) четких форм пока не получила.

Между тем, чтобы уйти от установленных цен, в механизме хозяйствования надо иметь рынок не только в нынешних его вариантах, но и нового типа, который опирается на содержащиеся в партийных документах идеи оптовой торговли вне госзаказа, по договорным ценам. Это должен быть рынок, на который гарантированно поступает все, что производит экономика. Это должен быть рынок, на котором цена будет установлена по соглашению, свободно. Речь идет об открытом всеобщем рынке. Как он мог бы практически выглядеть?

7. Модели открытого рынка

Вариант полного рынка. Предприятия все поставляют на рынок и продают по свободным ценам. Нет ни госзаказов, ни установленных цен.

Конечно, тут будет действовать закон стоимости. Но эта модель — своего рода централизм навыворот. Если нынешний вариант механизма управления игнорирует товарно-денежные основы нашей экономики, то модель всеобщего рынка уже игнорирует планомерность как ведущую, важнейшую черту строя, основанного на общественной собственности.

Быстрее и эффективнее в условиях научно-технической революции развивались те капиталистические страны (например, Япония), которые сформировали мощный блок централизованного воздействия. Было бы непростительно не использовать те централизованные рычаги, которые заложены в нашем строе (их пытается применять даже чуждое им по природе частное хозяйство). Поэтому я могу понять искреннее желание профессора Н. Шмелева как можно быстрее преодолеть тяжелое наследие всех бюрократических следствий однобокой ориентировки нашего механизма хозяйствования только на директивный план. Объяснимо и желание тех, кто в развитии полной рыночной самостоятельности и ответственности видит экономическую базу процесса демократизации. Но вариант всеобщего рынка, разрешая много текущих проблем, особенно сферы потребления услуг, не может стать долгосрочной базой мощного экономического рывка великой державы в конце XX века.

Уместно напомнить, что даже в период нэпа и В. И. Ленин и Н. И. Бухарин исходили из того, что в экономике должно быть два механизма: главный — плановый («командные высоты») и дополнительный — рыночный.

Попробуем рассмотреть несколько основных моделей возможных вариантов открытого рынка как второго звена механизма хозяйствования.

Секторная модель. Рынок вводится в тех секторах экономики, которые связаны с работой на потребителя (сельское хозяйство, торговля, легкая и пищевая промышленность, сфера услуг и т.д.). В этих отраслях начнут действовать рыночные регуляторы, отрасли перестроятся сами и станут рычагом для перестройки других отраслей. Эта модель гарантирована миллиардами рублей, накопленных населением, это ее «инвестиционный банк». Сразу ослабнут дефициты, касающиеся жизни и быта миллионов трудящихся. Возрастет обеспеченность зарплаты во всех отраслях. Но минусов, как представляется, у этой модели немало. Возможности идти навстречу спросу за счет своих ресурсов у «потребительских» отраслей велики, но не безграничны. А попытки получить новые машины, пластмассы, красители, материалы натолкнутся на запрограммированность «нерыночных» отраслей. Как известно, именно невозможность «отоварить» на рынке фонды технического развития, введенные в 1965 году, привела к фактической ликвидации этих фондов.

Высокие заработки в рыночных отраслях будут давить на остальные отрасли, которым надо будет как-то закрепить кадры, и они пойдут на рост ставок и окладов. В итоге рост себестоимости и цен. Стремясь бороться с напором рыночных отраслей, государство начнет увеличивать в них налоги, ограничивать величину зарплаток. Словом, устранять тот самый рынок, который само ввело. Оно должно будет в итоге отойти от секторной модели.

Региональная модель. Смысл здесь в том, чтобы в каких-то районах (регионах) страны создать зоны, полностью свободные от госзаказов. Но такой рыночный регион надо будет обнести своего рода государственной границей.

А создать такую стену, не разрушая единого государства, нельзя. Региональная модель малореальна. В свое время выносились столь же утопичные предложения «построить» в одной области коммунизм — чтобы все видели, к чему надо стремиться.

Продуктовая модель. Не секторы или регионы, а отдельные виды продукции целиком выводятся из сферы директивного руководства. Другие выводятся в тех или иных долях, а третьи остаются в сфере централизованного руководства.

На первый взгляд эта модель весьма гибкая. Если нет дефицита, то вся продукция идет на рынок. По мере устранения дефицита будет расти «рыночная» доля в прежде сугубо директивных продуктах. Но две цены — рыночная и государственная — на одну и ту же продукцию создают опасность спекуляции. Возникнет эффект, хорошо изученный в строительстве и торговле бензином, где двухуровневые цены (еще и не с рыночным разрывом) привели к тому, что сверх официальных фондов строятся тысячи личных домов, ремонтируются сотни тысяч квартир, «на ходу» тысячи личных машин. Наличие продукции с разными удельными весами «директивного» и «рыночного» сохранит «выгодные» и «невыгодные» ее виды.

Пожалуй, самый главный недостаток этой модели следующий. Если цены на один из компонентов изделий будут низкие, государственные, на другие — рыночные, а на третьи все будет зависеть от того, какую долю материалов завод получил централизованно и какую пришлось докупать на рынке, то оценка перспектив научно-технического прогресса (НТП) станет весьма спорной. В ключевую проблему ускорения НТП продуктовая модель решающих изменений не вносит.

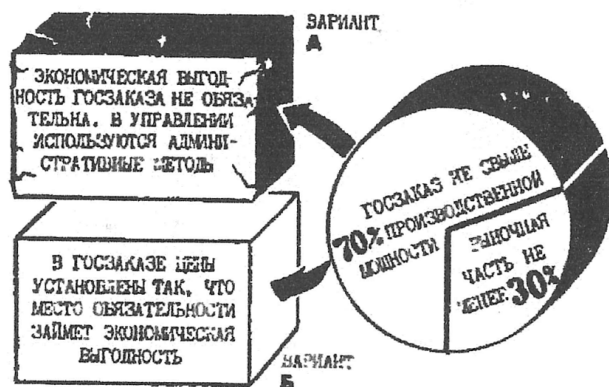
Модель единого норматива. Устанавливается минимальная рыночная доля во всех видах продукции (положим, 30%). Сектор госзаказов остается комплексным. Но появится и комплексный рынок. Оба охватят весь производственный цикл. В легкой промышленности, конечно, государственный заказ, может, и не составит 70%. Речь идет о предельном показателе: разрешить сокращать рыночную долю меньше лимита нельзя.

Важно учесть опыт реформы 1965 года. Тогда не была оговорена доля «обязательной номенклатуры», и уже через пару лет на большинстве предприятий эта номенклатура охватила весь выпуск. Известно, что сейчас колхозы имеют право до 30% плановой продукции овощей продать на рынке. Но нет обязательности. В итоге, например, в Волгоградской области были случаи, когда из возможных 30% всего 2% поступало на рынок.

Вводить резные квоты директивной и рыночной частей по разным видам продукции нельзя, так как появляются более и менее выгодные виды продукции. Но даже если принять равный для всех видов продукции предел директивной части, то и в этом случае остаются проблемы.

Так, сохраняются две «цены» на одни и те же виды продукции. Фонд оплаты труда коллектива формируется на двух разных основах: нормативной для директивной продукции и остаточной — для рыночной продукции. Соответственно сохраняются два вида хозрасчета на одном и том же предприятии: нормативный и остаточный.

Если для всех продуктов установлена единая доля госзаказа и рынка, то можно исчислить долю госзаказа не по продуктам, а в целом, по всей продукции предприятия. Это наиболее просто.

Этапы перехода к модели открытого рынка.

Этап А.

Госзаказ не может: охватить весь выпуск продукции, есть централизованные лимиты снабжения, цены установлены, и пределы экономической выгоды заданы. Госзаказ административно обязателен, но возможна оптовая торговля по установленным ценам. Рыночная часть: цены установлены, и поэтому пределы экономической выгоды заданы, возможна и договорная цена, но неясны ее условия появления.

Этап Б.

Сняты ограничения на цены рыночной части, а цена госзаказа делает его выгодным.

А как определить величину общего выпуска — базисную для определения доли госзаказа? Тут целесообразно искать более объективный показатель, а не только объем производства. На наш взгляд, базой для определения величины госзаказа должна стать оценка возможностей предприятия по имеющимся у него основным производственным фондам. И тогда госзаказ будет устанавливаться на пять лет, ориентируясь в пределе на 70% этих фондов.

Если фонды растут в течение пятилетки за счет централизованных вложений — будет меняться и госзаказ. Если же они растут за счет средств предприятия, госзаказ будет прежним до конца пятилетки. Для реализации этой модели необходима переоценка всех фондов (желательно по мировым ценам).

Нужен и особый механизм стимулирования для обеспечения выполнения госзаказа в первую очередь. Было бы неправильным разрешить «компенсировать» срыв госзаказа «рыночными деньгами» предприятия. Тут нарушается комплексность уже директивного сектора экономики. Нужен более тонкий механизм. Например, премии из рыночного фонда стимулирования не выплачиваются, пока не выполнен госзаказ.

8. Механизм в действии

Я назвал цифры 70% и 30% для директивной и рыночной частей. 30% — с одной стороны, немало, это больше того, что в целом мы делали в 1960 году. С другой стороны, 30% — это то, чем мы сегодня как минимум реально не управляем, оставляя детализацию заданий нижестоящим звеньям. А они проводят волевую детализацию, менее эффективную, чем рыночная. Можно принять эти цифры за исходные и уточнить их с учетом опыта. Главное в том, что 30% уже создают рынок как самостоятельную, саморазвивающуюся подсистему социалистической экономики и тем самым превращают рынок в объективно действующий фактор ее развития.

Как он будет развиваться и как действовать? Попробуем «проиграть» весь процесс.

Скорее всего, возникнет сначала своего рода «скачка» цен. Говоря словами Карла Маркса, период «случайных форм» стоимости. Затем наступит этап неразвитого рынка, когда цены на одни и те же изделия будут еще разными, а предприятия начнут искать свой «профиль», свой «сектор» на рынке. Эти две стадии займут год-два.

В результате создадутся условия для третьего этапа — развитого социалистического рынка, на срок в одну-две пятилетки. Цены спроса приблизятся к общественно необходимым затратам.

Рыночные цены усилят интерес предприятий ко всему научно-техническому прогрессу, а не только к включенному в директивный план. Произойдет сразу ускорение всего процесса интенсификации.

Экономическое соревнование определит не только производство продукции, но и области вложения собственных накоплений заводов. В итоге — сдвиг из сферы затоваривания в сферу дефицита, что усилит сбалансированность всей экономики, особенно в сфере потребления. Зарплата будет «отоварена», и это увеличит интерес к материальным стимулам. Полностью исчезнет «вторая (теневая) экономика».

Соревнование на рынке — фактор объективный. Те предприятия, у которых незначительна доля госзаказов, могут понести столь ощутимые потери, что окажутся под угрозой закрытия.

Рыночный сектор сделает наглядными неэффективные участки директивного сектора. Повысив цены на дефицитные изделия, рынок будет усиливать их экономное использование. А появление на рынке изделий, более дешевых, чем в госзаказах, заставит их «сжаться» до действительно необходимого минимума. Рынок станет серьезным противозатратным фактором.

Цены рынка будут влиять на весь процесс ценообразования, выступая своего рода «барометром». Появится возможность больше ориентировать все цены на цены мирового рынка. Возрастет потребность в переходе к конвертируемой валюте. Создание рыночного сектора облегчит создание совместных предприятий — советских и иностранных. На предприятиях разовьется дух предприимчивости, произойдет перегруппировка руководящих кадров благодаря самоуправлению. Все это скажется на всей деятельности предприятия.

Чем социалистический рынок принципиально отличается от капиталистического рынка?

Во-первых, справедливо отмечают, что при социализме нет такого товара, как рабочая сила. Замечу, что в истории известны рынки, где закон стоимости действовал в течение столетий, но рабочая сила не становилась товаром. Например, так было долгие столетия при феодализме или рабстве, хотя работника продавали и покупали. Поэтому надо уточнить формулировку: на социалистическом рынке нет товара «рабочая сила», так как есть общественная собственность.

Во-вторых, основные пропорции общественного производства, стоимость в социалистическом рынке формируются не только рынком, но и централизованными капиталовложениями. Общество задает каркас величин стоимости, а рынок их дорегулирует, уточняет, конкретизирует.

Следует еще раз подчеркнуть, что рынок свободной торговли средствами производства и договорных цен будет одной из моделей. Сохранятся и рынок внутри сектора госзаказов, и оптовая торговля в этом секторе, сохранится ряд других рынков. Но именно этот рынок договорных цен станет тем звеном, которое окажет преобразующее влияние на всю систему товарно-денежных отношений в направлении укрепления ее объективных основ.

Общий итог: прямой директивный централизм устойчиво ограничит себя. И не просто ограничит, но будет иметь конкурента. И общий темп экономического роста увеличится.

9. Организация управления в условиях рынка

Формирование экономического механизма внутри каждого государственного предприятия (он включает главный прямо централизованный управляемый блок и дополняющий — рыночный блок) в перспективе потребует перестройки организационной структуры управления.

Нельзя сосредоточить руководство «двухукладным» предприятием в руках директивных органов, отвечающих только за централизованно управляемую часть экономики. Это означало бы в конечном счете постепенное подавление рынка. Поэтому целесообразно разделить в народном хозяйстве функцию руководства предприятием в целом и функцию руководства непосредственно централизованно управляемой частью производства. Это первая идея.

Вторая идея. Надо учесть, что свободная рыночная ориентация предприятий (не менее чем в размере 30% основных производственных фондов) делает неприемлемым их подчинение каким-либо органам отраслевого типа. Это опять-таки сковывает — явно или неявно — ориентацию предприятий на рынок. Поэтому органы общего руководства предприятиями должны быть межотраслевого профиля, общими по характеру.

Третья идея. При общем 30% минимуме рыночной части на практике доля рыночной части на многих предприятиях будет значительно выше. А на предприятиях сферы услуг, мелких предприятиях местной промышленности и других вообще может не оказаться никаких госзаказов, и они целиком будут ориентированы на местный спрос и рынок. Зачем в таком случае выводить линию подчинения этих предприятий не верхние этажи управления?

С учетом этих трех соображений новая структура управления могла бы выглядеть так.

Нынешние центральные органы планирования и снабжения должны руководить только директивной частью. Они составляют директивные планы производства и снабжения и формируют госзаказы отраслевым и республиканским органам, а те размещают их на предприятиях, им прямо не подчиненных, в пределах лимита госзаказа.

Предприятия же подчиняются новым органам — Советам народного хозяйства (СНХ) трех уровней: союзного, республиканского и областного, районного.

На первый уровень можно вывести 200—300 предприятий (численность занятых — не менее 20 тысяч человек). На второй — по 200—300 предприятий (не менее 500 человек). На третий — все остальные. В результате примерно одна пятая часть экономики будет подчинена союзному СНХ, две пятых — республиканским и областным, и две пятых — районным Советам народного хозяйства.

При распределении предприятий по уровням скажется и отраслевая принадлежность. Предприятия тяжелой промышленности будут, например, тяготеть к союзному и республиканскому уровню. Предприятия строительства, транспорта, сельского хозяйства, часть легкой промышленности — к уровню республик и областей, предприятия торговли, быта, сферы услуг, общественного питания, кооперативного и индивидуального труда и т.д. — к уровню районных СНХ.

СНХ будут внутри иметь функциональные, отраслевые и инфраструктурные подразделения.

Главная функция Советов народного хозяйства (СНХ) — отвечать за экономику в целом. Они будут устанавливать экономические нормативы для предприятий. Для этого СНХ будут разрабатывать планы общего экономического развития (соотношение накопления и потребления, соотношение директивной и рыночной частей и т.д.). Они станут своего рода арбитром при конфликтах отраслевых органов, размещающих госзаказы, с предприятиями. Но прямо за выполнение директивных заданий СНХ не отвечают: экономически ответственные сами предприятия.

Отраслевые министерства в союзных республиках упраздняются. Отраслевые союзные министерства в перспективе превращаются в подразделения Бюро Совета Министров (не больше десяти): оборонное, важнейших научно-технических программ, машиностроения, капитального строительства; энергетики, добывающих и сырьевых отраслей; АПК; производства продуктов личного потребления; транспорта и связи; внешнеэкономических связей. Эти Бюро будут отвечать за директивную часть подведомственных отраслей, за централизованный НТП и т.д.

Большинство нынешних функциональных органов — типа Госкомцен, Госкомтруда и т.д. — войдут в состав Советов народных хозяйств. Упразднение отраслевых министерств и множества функциональных органов позволит для создания СНХ воспользоваться освободившимися кадрами, без роста аппарата управления существенно повысится уровень оплаты работников новых органов.

Учитывая, что СНХ отвечают за экономику в целом, максимально усиливается самостоятельность, самоуправление трудовых коллективов, а также заинтересованность и ответственность предприятий за рост эффективности, за НТП, за удовлетворение спроса.

Для успешной работы территориальных и районных СНХ было бы целесообразно уточнить границы областей и районов, приблизив к границам реально сложившихся промышленных и агропромышленных узлов, территориально-производственных комплексов, экономических районов.

Важное звено — ликвидация крепостного права банков на предприятии. Предприятие должно само выбирать тот банк, кредит которого дешевле. Надо развивать механизмы, облегчающие структурные сдвиги в экономике, — акции, например, и т.п. инструменты.

С созданием рыночного сектора меняется взгляд на роль крупных и мелких предприятий. Раньше удобству директивного руководства из центра отвечали крупные предприятия, объединения, особенно тяготеющие к монопольному положению, хозяйственные организации. Для развития отношения рыночного соревнования надо разукрупнить формальные объединения расположенных за тысячи километров предприятий и пойти на развитие и средних, и мелких предприятий.

В компенсацию за упразднение административных объединений надо предусмотреть возможности создания сети добровольных временных союзов хозрасчетных предприятий для решения тех или иных задач (НТП, организация технического сервиса, защиты окружающей среды, создания социальных объектов, транспортных узлов и т.д.). Инициаторами таких союзов могли бы быть и сами предприятия, и СНХ, и Бюро Совета Министров СССР.

10. Размышления о будущем

Возникает естественный вопрос. А можно ли предвидеть хотя бы в общих чертах дальнейшее развитие механизма хозяйствования?

На наш взгляд, можно и для сектора госзаказов, и для рыночного сектора.

Сектор госзаказов будет развиваться в направлении ослабления директивности в силу роста экономической привлекательности для исполнителей. В итоге вместо директивного централизма будет усиливаться централизм экономический.

Экономическая теория позволяет предвидеть и развитие рынка. Он перейдет к этапу, который в свое время Джейн Робинсон назвала «несовершенной конкуренцией», а Эдвард Чемберлин — «олигополией»,

С одной стороны, в ходе рыночного соревнования будут расти размеры объединений и предприятий. Эти крупные хозяйственные единицы будут стремиться к большему регулированию рынка и к уничтожению разрыва цен госзаказов и цен рынка. Крупные объединения будут в состоянии так «давить» на госзаказы и так защищать свои права, что на деле большинство госзаказов будут иметь цену, делающую их экономически выгодными объединениям.

Рынок несовершенной конкуренции, рынок ограниченного монополизма более подготовлен к сращиванию с сектором прямого централизма. На этом рынке нет ни свободных цен экономического соревнования, ни директивных цен. Начнет формироваться единая для двух секторов цена с тенденцией к большой рентабельности для госзаказов. На самом рынке во взаимоотношениях объединений будет расти централизм олигопольного типа.

Таким образом, социалистический рынок, ограничив директивный централизм, в перспективе вновь возвратит нас к централизму, но качественно новому. Рынок ограничит созданный административно и поддерживаемый административно централизм и планомерность. Под воздействием рынка произойдут «преобразования» внутри директивного сектора (там придется перестроиться на основе критериев экономичности), и на самом рынке усилится тенденция к централизму. В итоге возникает единый централизм нового типа — экономический, выверенный в ходе рыночного соревнования и победивший в этом соревновании. Уменьшение спроса экономики на административные рычаги власти окажет грандиозное влияние на всю общественную систему социалистического строя.

Итак, двухсекторную модель, включающую директивный централизм госзаказов и рынок оптовой торговли и договорных цен, заменит новая модель. В ней окончательно будут преодолены и рынок, и деньги. И главным станет в условиях изобилия и изменения характера труда и самого человека не материальное стимулирование, а труд как первая жизненная потребность. Приближение к коммунистической перспективе.

Таким образом, путь к будущему оказывается — как и ожидали марксисты — не механическим движением от планомерности административной к планомерности негосударственной, а диалектическим процессом «отрицания» уже отработавших механизмов, появления противоречий, развития противоположностей, синтеза в высших формах позитивных элементов всех преодоляемых организмов.

Вот почему, анализируя наши сегодняшние проблемы, целесообразно обсудить проблемы развития рынка в ходе перестройки. Формирование социалистического рынка как дополняющего основной госзаказный сектор звена механизма хозяйствования повысит отдачу от всех предпринимаемых сейчас мер по перестройке системы прямого централизованного управления, усилит возможность реального использования резервов товарно-денежных отношений и закона стоимости, в том числе и в секторе госзаказов. М. С. Горбачев в докладе «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой» на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивал: «В соответствии с научным пониманием социализма в его экономическую систему органически входят товарно-денежные отношения. Их умелое использование через цены и финансово-кредитные рычаги, планомерное овладение и управление рынком с учетом его законов, укрепление и повышение авторитета рубля способствуют созданию эффективного антизатратного механизма, укреплению социализма на деле».